

— Бари, ты один из немногих наших менеджеров, кто занят не только прокатом, но и “деланием” звезд. В том смысле, что, расставшись с тобой, многие из них не гаснут, а продолжают более или менее стабильно мерцать. В твоих составах в разное время начинали и Юрий

— Бари, но ведь выглядит все это достаточно трагично...

— Да. Мне очень жалко талантливых ребят и девушек, у которых нет миллиардеров-покровителей, любящих музыку...

— Тем более, что то же ТВ нам навязало имидж эстрадного певца в “Мерседесе” и норковой шубе...

— Позволь сразу же заметить, что “Мерседес” и

ремешок...” Вот так и сымпровизировал за два-три часа.

— Бари, а вот любопытно — чем живет эта твоя четверка вне сцены, вне профессиональной работы... Спорт, книги, а может быть — виски, девушки, светские загулы?..

— Читают они много, это правда... Бегают по урам. А еще большая физическая нагрузка — балет. Час каждый день. И на гастролях — по два двухчасовых концерта ежедневно. Тренаж тот еще... Плюс занятия вокалом — с ними ездит педагог-репетитор. Постановка голоса, сольфеджио...

Правда, срывы тоже бывают. Кто-то по молодости может вдруг неожиданно набраться... Конечно, потом переживают. Пятно на репутации группы.

Что касается девушек... они же еще молодые. Кровь играет. Конечно, романов у них масса. Но, честно говоря, пока что их гораздо больше интересует творчество. Они, кстати, и сами отлично сочиняют. Может, снимутся в фильме...

— Они не женаты еще?

— Нет. Поклонниц, правда, тьма — они от них скрываются всеми способами. Случаи бывают уникальные — вот, недавно, мама привезла свою дочку откуда-то из Сибири. Продали квартиру, все продали — и приехали свататься к Володе Асимову... Трагифарс!

— А ты сам женат?

— Интересный вопрос, как принято сейчас говорить. 29-го марта развелся. С четвертой женой...

— И дети есть?

— Двое. Алексею двадцать шесть — правда, мы почти не знакомы. Когда мы развелись с его матерью, мне было всего двадцать — нищий парнишка из провинции. Так что она стремительно выскочила замуж за какого-то высокого армейского чина и вычеркнула меня из жизни. А Бари сейчас восемь лет. До трех он ездил со мной во все гастролы — дитя кулис. С ним мы часто перезваниваемся; он разговаривает со мной. Мы часто переезжаем, расстались. Рассказывает о своей жизни, о приятных по двору...

— С женщинами у тебя, надо думать, проблем нет?

— Понимаешь, жизнь у меня была бурной и буйной. Во всех смыслах. Прошел огонь, воду и медные трубы. И перед девушками всегда любил пофорсить. Но я, во-первых, как теперь говорят, трудолюбив, работаю часов по пятнадцать в сутки, сплю — по четыре-пять. Во-вторых, с моим-то опытом женщин я теперь, естественно, вижу насквозь. И потому очень требователен. Чтобы меня расшевелить, нужна особа поистине героическая. Или какая-то необычная любовь.

— То-то я прочел не так давно в “МК”, что ты собирался предложить свою руку, сердце (и, вероятно, профессиональный опыт) Алле Борисовне... Это правда?

— Правда. А она зыгла, да и вышла замуж за Филу Киркорова. Я этого так и не понял... Но ничего. Она женщина импульсивная. Глядишь — и с Филей расстанется. Так что я не буду никак горпитаться. Подожду.

— Бари, а теперь специфический вопрос — “Газета для женщин” издается “Домом Русской Косметики”, так вот: о косметике...

— Для создания сценического образа “На-ны” косметика имеет необыкновенно большое значение. Причем задачи здесь более сложные, чем в случае обычного женского грима. Мужская косметика должна быть незаметной. С ее помощью ты как бы “редактируешь” сам себя. Поправляешь свой нос, уменьшаешь брови... У наших ребят, кстати, не все в порядке с носами...

— Но у твоих музыкантов лица почти идеальные...

— В гриме. А без него — родинки, пигментные пятна...

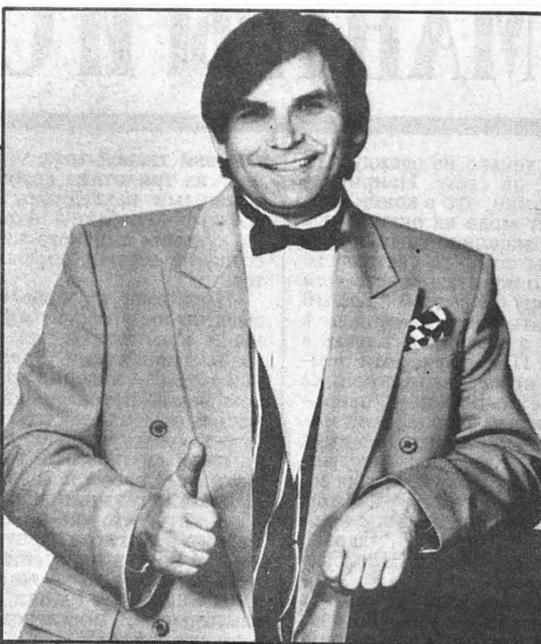
Или вот еще: как сделать так, чтобы прическа на концерте хранила свою первоначальную форму, не лохматилась? Ты не обратил внимание — концерт идет два часа с лишним, ребята мокрые, бегают, прыгают — а прическа в порядке? Каким это таким чудом?..

Наш принцип — не жалеть средств на косметику. Ибо лицо артиста — это одно из его орудий труда, средств производства. С ним надо быть внимательным. Относиться к нему бережно. Хотя ребятам по 23-24 года, уже могут быть и морщины, кожа может шелушиться... Ведь в поездках выясняется, что даже такая вещь, как вода в водопроводах — разная: тут соленая, там кислотная или щелочная. Поэтому в нашу гастрольную группу обязательно входит косметолог.

— Бари, а что, если “на-найцы” решат все же заняться сольными проектами? В один прекрасный день тепло поблагодарят тебя... и тоже разбегутся?

— А у меня другой профессии нет... Буду создавать еще одну группу.

Беседовал
Аркадий Петров

Мы

БАРИ И ЕГО НАНАЙЦЫ

Лоза, и Женя Белоусов, и “анфан террибль” советской еще поп-музыки Андрей Разин, и любимец нынешних эстетов Сергей Васильевич Челобанов... Все разные. Скажи, неужели правда, что при умелой рекламе можно раскрутить любого певца, любую группу? Говорят, Юрий Айзенштис похвастался однажды, что может в такой стране, как наша, сделать имя даже глухонемому?

— Ну нет, это шуточка в стиле абсурда. Хотя еще несколько лет тому назад в самом деле прошла волна вполне посредственных и “фанерных” певцов. “Делалась” одна-единственная песня, ей устраивалась мощная реклама, и на волне ее популярности эти ребята катали год-другой по градам и весням, собирая свой урожай. Сейчас все это кончилось. Не говоря о прочих расходах, только каждый показ по ТВ требует нескольких тысяч долларов. Для “раскрутки” же песни нужны не менее тридцати показов... Это — чтобы узнали только песню. Исполнителя еще долго знать не будут...

На Западе, скажем, за то, что передают ту или иную песню — по радио или ТВ — каждый раз отчитывается какая-то сумма авторского вознаграждения. Пусть пол-доллара, пусть даже пять центов. За год набегает вполне приличные цифры. У нас я сам должен платить, чтобы мою песню выпустили в эфир.

— Ты тоже?

— Уже нет. Люди с именем от этого оброча, по счастью, освобождены. Когда ты уже выбыл на высокий уровень, поборов почти нет. Сейчас ко мне (или: Пугачевой, Леонтьеву, Макаревичу и т.д.) звонят: “Приди. Поучаствуй. Это нам нужно...”

— Так каким же образом выстраивается иерархия в отечественной поп-системе?

— Есть исполнители с именем. Есть звездочки поменьше. И есть начинающие. Вот за ними, как правило, и стоят люди с большими деньгами. Чаще всего жены, мужья, любовники, любовницы... ну, реже — братья, близкие друзья. Это может быть частичка от операций с нефтью, газом, лесом. Подзреваю, что кака-то часть таких “вложений” — вполне темного происхождения. Без крупных сумм сейчас ничего не добьешься: песенный клип стоит тысячи сорок долларов. У молодого певца таких средств нет.

Родился в Казахстане, в местечке Чарск — в сорока километрах от Семипалатинского ядерного полигона. В айтматовском “Буранном полустанке” описан, похоже, именно Чарск...

Время от времени земля вздрагивала, потом с запозданием доходил гул. Для местных жителей никакой тайны не было, все знали, что “бомбу испытывают”. Относились спокойно. Только стекла заклеивали бумажными полосками крест-накрест — чтобы не вылетели. Жизнь вертелась вокруг другого — сады, огороды, пьянки-гулянки взрослого населения. Отец Бари был управляющим отделения банка, мать — бухгалтером в детсаду. Семья считалась зажиточной и необыкновенно культурной.

Первый в местечке электропроигрыватель появился именно у Алибасовых. Бари занимался в школе самодеятельностью — пел в хоре, ставил чеховские водевили, мечтал стать артистом. Правда, долго не мог сформулировать, каким именно. Сначала барабанщиком — уж очень заманчиво выглядело. Первыми инструментами стали старая резиновая шина и выточенные перочинным ножом палочки. В девятом классе организовал свой первый эстрадный состав: труба, кларнет, баян, ударные — то есть он сам на пионерском барабане — и...

бас-балалайка. Так оно и шло, пока в семидесятые годы не попал уже в московскую группу — знаменитый в те годы “Интеграл”.

норковая шуба для артиста — это как бы орудия производства. Я могу на улицу босиком выйти, как Махатма Ганди. Мне важен мой дух. Но если ты общаешься в светском обществе, то должен выглядеть соответственно. Иначе с тобой никто и разговаривать не будет.

— Занимательные ты вещи сообщаешь... Ну, хорошо — теперь несколько слов о твоём последнем проекте — о группе “На-на”. Милые, симпатичные парни. Неплохо поют, складно играют на гитарах, раскованны. Откуда такое? Ты что — “вычислил” то, что нужно сегодня?

— Да, чистенькие, причёсанные, симпатичные. Первое, что бросается в глаза. Потом, правда, выясняется: что-то там они еще и умеют... Но все равно, сначала — имидж. Я в “Интеграле” хорошо поработал в свое время на разрушение “советского оптимизма”. Теперь же время что-то создавать. Взамен... Вот, наверное, “На-на” и есть моя попытка, как говорили раньше, создать образ положительного героя. Причем, подбирая ребят, я обращал внимание не только на профессиональный уровень (это само собой), но и на их человеческие свойства. Я выбирал хороших людей. Скажем, приходит парень — поет замечательно, на гитаре играет, как бог, но вот своего прежнего руководителя ансамбля поносит. И очень злобно. А я хорошо знаю, что тот во многом помог ему стать на ноги. Воспитал, сформировал... Такой парень мне, конечно, не нужен... А вот Володя Асимов как раз сразу понравился именно тем, как он относился к своему бывшему руководителю... хотя они как раз находились в конфликте...

— А какими были “написты” прежде?

— Длинноволосыми. А Левкин был с “панковскими” лохмами... Подстраивались под общепринятый стереотип. Сейчас о длинных волосах и думать забыли. Прически им придумал знаменитый Саша Шевчук. А потом все это развил и уточнил Игорь Мудрецов, наш парикмахер...

Что касается костюмов, то первый “облик” “На-ны” создал Слава Зайцев. Времени было в обрез (через три дня международный фестиваль) — и он импровизировал над материалом из собственного гардероба, доставая один костюм за другим, что-то приметывая или укорачивая. “Вот это подходит, а это нет, попробуем вот так... Сюда платочек, сюда